

УДК 303.446.4 (93)

Оригинальное исследование

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424

Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг.

Апанасенок А.В. , Пудякова И.С.

Региональный открытый социальный институт,

Россия, 305008, г. Курск, ул. Маяковского, 85

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена истории практики православного крещения в СССР 1940-х – 1970-х гг. Авторы исследуют статистику совершения этого таинства на протяжении трех послевоенных десятилетий, анализируют вопрос о достоверности соответствующих количественных данных, а также рассматривают социальный состав и мотивы людей, обращавшихся к священнослужителям с целью крещения своих детей. В статье показано, что в течение всего изучаемого периода обряд крещения оставался культурной нормой для большей части граждан в традиционно-православных регионах СССР, а статистика далеко не отражала его реальных масштабов. Важнейшими факторами сохранения практики крещения детей выступали религиозность старших поколений советских граждан, а также стремление родителей к соблюдению древней традиции.

Ключевые слова: история СССР, православие, обряд крещения, конфессиональные практики, традиционная культура, статистика

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43066.

Для цитирования: Апанасенок А.В., Пудякова И.С. 2022. Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг. *Via in tempore. История. Политология.* 2022. 49 (2): 413–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424

The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s – 1970s

Aleksandr V. Apanasenok , Irina S. Pudyakova

Regional Open Social Institute,

85 Mayakovsky St., Kursk 305090, Russia

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the history of the Orthodox baptism rite existence in the USSR of the 1940s – 1970s. The authors investigate the statistics of the performance of this sacrament for three post-war decades, analyze the problem of the relevant quantitative data reliability and also consider the social composition and motives of people who turned to the clergy for the purpose of baptizing their children. The paper shows that during the entire period under study the rite of baptism remained the cultural norm for most citizens in the traditionally Orthodox regions of the USSR and statistics far from reflecting its real scale. Representatives of all social categories of the soviet population remained committed to the practice of Orthodox baptism, and demonstrated a desire for symbolic communion with Christian culture. The most important factors in preserving the practice of children baptizing were the religiosity of the older generations of Soviet citizens, as well as the desire of parents to observe the ancient tradition.

Keywords: history of the USSR, Orthodoxy, baptism rite, confessional practices, traditional culture, statistics

Acknowledgements: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43066.

For citation: Apanasenok A.V., Pudyakova I.S. 2022. The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s – 1970s. *Via in tempore. History and political science*. 2022. 49 (2): 413–424 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424

Введение

В декабре 2022 г. сообщество историков отметит своеобразный юбилей – столетие с момента образования СССР. Эта символическая веха дает дополнительный повод поразмышлять об особенностях и парадоксальных чертах советской цивилизации, влияние которой продолжает ощущаться даже спустя три десятилетия после ее формального исчезновения. Одна из удивительных и в то же время малоизученных страниц истории СССР связана с местом в ней религии. Речь идет не о церковно-государственных отношениях, проанализированных в постсоветской историографии довольно основательно [см. Каиль, 2021], а о том, насколько значимую роль в жизни рядовых граждан Советского Союза играли религиозные практики. Как известно, советское общество виделось его архитекторам обществом атеистическим, а от граждан, воспитанных при советском строе, требовалось критическое отношение к «религиозным предрассудкам». Уже в 1951 г. автор широко растиражированного методического пособия по научно-атеистическим вопросам С.Н. Худяков утверждал, что «подавляющее большинство советских людей порвало навсегда с религией» [Худяков, 1951, с. 18]. В 1973 г. известный советский социолог религии В.Д. Кобецкий оценивал долю верующих в СССР в 10 % [Кобецкий, 1973, с. 128]. О массовом разрыве с религиозной культурой писали и другие советские авторы [см. напр.: Сухов, 1973], было даже введено понятие всеобщей «атеизации населения» [Климова, Молостова, 2013, с. 91]. В то же время в конце 1980-х – 1990-е гг. советское/постсоветское пространство пережило впечатляющий церковный ренессанс, который был бы невозможен в почти безрелигиозном социуме. Очевидно, чтобы приблизиться к осмыслению места, которое занимала конфессиональная культура в жизни советских граждан, необходимо полагаться не только и не столько на официальные оценки их религиозности, но в первую очередь на анализ степени вовлеченности населения в конкретные конфессиональные практики.

Для православных христиан, исторически составлявших большинство на советском пространстве, первым и важнейшим обрядом является таинство крещения. Участие в нем не всегда оказывается признаком искренней веры, но все же крещение ребенка (и тем более собственное) в той или иной мере сигнализирует о положительном восприятии человеком/семьей традиционной конфессиональной культуры. По крайней мере, оно исключает последовательный атеизм. Соответственно, изучить ситуацию с православным крещением в СССР в ее динамическом развитии значило бы сделать существенный шаг в сторону понимания конфессиональной обстановки в стране на разных этапах ее существования. Как ни странно, специальных исследований такого рода пока не проводилось. Российские авторы известных трудов по истории Русской православной церкви в XX в., как правило, используют отрывочные статистические данные по крещению советских граждан в отдельных регионах или приходах за конкретные годы, чтобы продемонстрировать влияние тех или иных государственных мер в отношении церкви [см., напр., Поспеловский, 1995; Одинцов, 2002; Шкаровский, 2010], так же порой поступают их зарубежные коллеги [см. Peris, 1998; Naumescu, 2008; Stone, 2008]. Некоторые факты о крещении советских граждан можно почерпнуть в публикациях, посвященных православной обрядности в тех или иных регионах СССР [см., напр., Жук, 2012; Шлихта, 2012; Попова, 2015 и т. д.]. В целом

же историографическая ситуация пока не позволяет составить полноценное представление о том, какое место занимало важнейшее христианское таинство в духовной и социально-культурной жизни граждан Советского Союза. Данная статья призвана способствовать восполнению этого пробела. Ее цель – представить общую историко-социологическую картину совершения таинства крещения в СССР 1940-х – 1970-х гг. При этом предполагается, во-первых, изучить статистику православного крещения в СССР указанного периода; во-вторых, проанализировать вопрос о достоверности соответствующих количественных данных советских инстанций; в-третьих, рассмотреть социальный состав и мотивы людей, обращавшихся к священнослужителям с целью крещения своих детей.

Объект и методы исследования

При подготовке данной работы в поле исследовательского интереса авторов оказалась часть советского социума, сохранявшая связи с традиционной конфессиональной культурой и проявлявшая их в практиках православного крещения. Объектом изучения при этом выступила совокупность материалов 1940-х – 1970-х гг., отразивших формальные характеристики совершения обряда крещения в СССР. Во-первых, это документы из аппарата созданного в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. – Совета по делам религий) при Совете Министров СССР. Уполномоченные этого органа в регионах вели постоянные наблюдения за церковной жизнью, в том числе фиксировали участие граждан в тех или иных религиозных обрядах. Во-вторых, это публикации представителей советской социологии религии, пережившей период становления и подъема в 1960-е – 1970-е гг. Здесь содержатся небезыңтересные статистические данные о социальном составе людей, участвовавших в различных православных обрядах, в том числе и в обряде крещения, а также представлен анализ мотивов крещения.

Обращение к периоду 1940-х – 1970-х гг. обусловлено двумя причинами. Прежде всего, для исследования важно, что в это время для большинства населения страны была характерна сформированная советская идентичность. Соответственно, можно говорить о бытовании православного обряда именно в советской культурной среде. Кроме того, послевоенные десятилетия, в отличие от 1920-х и особенно 1930-х гг., характеризовались относительной стабильностью в отношениях между государством и верующими с редкими попытками грубого (насильственного) сворачивания конфессиональных практик.

Работа носит преимущественно историко-социологический характер, это обстоятельство предопределило ее методологию. В ходе исследования авторами применялись историко-статистический метод, обусловивший активное использование количественных данных об организации таинства крещения в разных регионах СССР, сравнительно-исторический метод, позволивший сопоставить сведения по разным десятилетиям, а также метод исторической индукции, дающий возможность формулировать выводы о масштабах распространения религиозных практик в стране на основе сбора данных по разным регионам.

Результаты и их обсуждение

Известная исследовательница советской повседневности Н.Б. Лебина в своей монографии о сталинском периоде в истории СССР пишет, что в течение первых десятилетий советской эпохи акт крещения превратился в социальную аномалию [Лебина, 2015, с. 170–177]. Очевидно, что именно так на него должны были смотреть партийные идеологи, однако если говорить о рядовых гражданах, то для большинства из них крещение аномалией отнюдь не стало. Об этом говорят данные, которые стали присылать в Совет по делам РПЦ его местные уполномоченные через год-два после учреждения этого органа. На первых порах это были несистематизированные, отрывочные сведения (система учета религиозной обрядности, далекая от идеала и в более поздние периоды, в 1940-е гг. фактически отсутствовала), однако даже они показывают массовую потребность населения в

символическом приобщении к христианской культуре. Судя по аналитическим сводкам Совета, количество крещений во многих населенных пунктах превышало количество рождений (в отдельных местах в 5–6 раз)⁸². Это явление объяснялось стремлением граждан окрестить детей, рожденных в 1930-е – начале 1940-х гг. и некрещённых в свое время по причине отсутствия священнослужителей. Если в регионах, подвергшихся оккупации, первая волна крещений прошла в 1942–1944 г. и практически не могла быть учтена властями, то в других областях пик был зафиксирован в 1945–1946 гг. Например, уполномоченный по Свердловской области указывал, что в 1945 г. по г. Свердловску количество крещений возрастало с каждым месяцем, охватывая основную часть родившихся (в январе-феврале – 179, в марте – 152, в апреле – 187, в мае – 229 и т. д.)⁸³. По словам того же функционера, почти тотальное крещение было проявлением сильного религиозного подъема, который выражал себя и в большой популярности богослужений у молодежи («в церкви повернуться негде»)⁸⁴.

Начиная с 1947 г. (в период «закручивания гаек» на идеологическом фронте) рапорты уполномоченных Совета по делам РПЦ фиксирует некоторое уменьшение стремления граждан крестить своих детей. При этом статистика варьируется в зависимости от типа и величины населенного пункта. Например, в типично-провинциальном областном центре – г. Курске – в 1947 г. открыто крестили 40 % всех рожденных за год детей; в районном центре Курской области г. Льгове – более 50%⁸⁵. Что касается сел и деревень, то статистический учет здесь долгое время практически не велся, однако современникам было понятно, что крестины в сельской местности остаются вещью само собой разумеющейся. «Детей крестят всех родившихся», – писал в 1949 г. курский чиновник, ссылаясь на беседу с председателем одного из местных колхозов⁸⁶. Учитывая, что в 1940-е – 1950-е гг. преобладающая часть населения страны все еще проживала в сельской местности, можно говорить о крещении большинства рождавшихся в тот период советских граждан. Этот тезис выглядит логичным и в свете общего подъема религиозности в стране во второй половине 1950-х гг. [Апанасенок, Бубнов, 2021, с. 210–212].

В конце 1950-х гг., когда сбор данных о религиозной обрядности в регионах СССР стал более упорядоченным, о крещении по-прежнему трудно было говорить как об аномалии. В 1959 г. в той же Курской области, по сведениям местного уполномоченного, было окрещено 48 % родившихся, в Кировской области – 56 %, во Владимирской – 39 %, в Пермской – 28 %, в Воронежской – 40 %, в Ярославской – 60 %⁸⁷. «Примерно на том же уровне» (цитата из обзора Совета по делам РПЦ), то есть около 60 %, доля крещений к общему числу родившихся оказалась в 1959 г. в Белгородской, Ивановской, Калининской, Житомирской, Вологодской, Сталинской и ряде других областей⁸⁸. В некоторых случаях фиксировался даже существенный рост количества крещений. Например, в 1958 г. в Брянской области их было официально зарегистрировано 10 200 (около половины от всех родившихся младенцев), а в 1959 г. – 13 600⁸⁹.

О существенном изменении статистики крещений можно было говорить лишь в итоге масштабной («хрущевской») антирелигиозной кампании в СССР 1959–1964 гг. Как известно, в этот период партией и лично Н.С. Хрущевым была поставлена задача нанести «решающий» удар по «религиозным предрассудкам», в том числе избавить от таковых молодежь. В условиях возобновившихся на несколько лет преследований за «религиоз-

⁸² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 7–14.

⁸³ Там же. Д. 30. Л. 76.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 20. Л. 41–42.

⁸⁶ Там же. Оп. 5. Д. 3. Л. 55.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 150–151.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 151.

ное» воспитание детей легальное крещение (предполагавшее регистрацию и запись в квантационной книге) оказалось не только религиозным актом, но и демонстрацией определенного мужества [Шлихта, 2012, с. 384–385]. Неудивительно, что цифры в сводках Совета по делам РПЦ к середине 1960-х гг. оказались существенно меньше тех, что были в конце 1950-х гг. Так, в Ивановской области доля крещеных от числа родившихся в 1965 г. составляла 37,8 %⁹⁰ (против примерно 60 % в 1959 г.), в Горьковской области – 36,5 %⁹¹, в Московской – 39,4 %⁹². В Минской области Белорусской ССР она оказалась 33,6 %⁹³, в Киевской – 26,8 %, в Херсонской – 35 %, в Запорожской – 18,8 % (все – Украинская ССР)⁹⁴. Процент крещений по Украине в целом в том же 1965 г. составил 37,5 %, поскольку «удобные» для КПСС показатели в восточных областях компенсировались «неудобными» показателями на западе республики (Волынская область – 74 %, Ивано-Франковская область – 65,6 %, Ровенская область – 60,6 %)⁹⁵. В Кокчетавской области Казахской ССР доля крещеных составила 11,5 %⁹⁶ (впрочем, тут, как и в других случаях с неславянскими республиками, статистика не очень показательна, так как большинство населения изначально не было православным). Меньше всего, согласно данным уполномоченных, крещеных было на русском Севере и в Сибири (здесь сильно ощущался дефицит церквей и клириков, крещения особенно часто осуществлялись тайно незарегистрированными священниками). В Архангельской области их доля к новорожденным в 1965 г. составила 4,8 %⁹⁷, в Вологодской области – 5,8 %⁹⁸, в Красноярском крае – 6,9 %⁹⁹.

Можно ли считать, что приведенные цифры отражают наступивший в 1960-е гг. перелом в отношении советских граждан к православной обрядности вообще и таинству крещения в частности? Последующая статистика показывает, что нельзя. Например, если в 1965 г. доля крещеных младенцев по отношению ко всем родившимся в Белгородской области существенно упала по отношению к 1959 г. и составила 35 %, то уже в 1967 г. она выросла до 67 %¹⁰⁰. В некоторых приходах резкое увеличение количества крещений началось сразу после отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., фактически ознаменовавшей и конец антирелигиозной кампании. М.В. Шкаровский приводит показательный пример в этом отношении: если за все первое полугодие 1964 г. в Троицкой церкви Ленинграда было окрещено 575 человек, то только за один день 18 октября таковых оказалось 53 [Шкаровский, 2010, с. 381]. В Курской области количество официально учтенных крещений увеличилось и превзошло уровень конца 1950-х гг. тогда же. В 1964 г. здесь с соблюдением предусмотренных законом формальностей было окрещено 53 % младенцев¹⁰¹.

Необъективность статистики первой половины 1960-х гг. признавалась повсеместно даже теми, кто ее вел. Так, в 1967 г. уполномоченный Совета по делам религий из Запорожской области писал: «Несмотря на сокращение количества православных церквей за последние 10 лет на 90 %, численность крещеных детей почти не изменяется... Данные за последние три года являются неполными. Если учесть тайные крещения на дому заштатными священниками, то эти цифры не снизятся по сравнению с 1958 г.»¹⁰².

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 572. Л. 55.

⁹¹ Там же. Л. 49.

⁹² Там же. Д. 574. Л. 110.

⁹³ Там же. Л. 227.

⁹⁴ Там же. Д. 575. Л. 97–100.

⁹⁵ Там же. Д. 574. Л. 14, 62, 127.

⁹⁶ Там же. Л. 230.

⁹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 23.

⁹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 573. Л. 34.

⁹⁹ Там же. Д. 572. Л. 18.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 5.

¹⁰¹ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 68. Л. 15.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 155. Л. 19.

Впрочем, на обобщающей статистике по стране в целом и ее отдельным республикам такого рода признания представителей местной номенклатуры особенно не сказались. Согласно ей, в 1967 г. доля крещений по отношению к родившимся в СССР составляла 23,3 %¹⁰³. Естественно, эта цифру нельзя считать информативной, так как в состав СССР входили не только традиционно «православные» республики. В России эта цифра составляла 25,5 %¹⁰⁴, однако и тут надо учитывать наличие в составе самой большой союзной республики мусульманских регионов. На Украине доля крещений по отношению к родившимся в том же 1967 г. официально составляла 49,7%, в Белоруссии – 30,6% (здесь значительная часть населения имела католические «религиозные корни»), в Молдавии – 56,8 %¹⁰⁵. В 1974 г. этот показатель по РСФСР составлял 20,1 %, по УССР – 36,6 %, по БССР – 21,5 %, по Молдавии – 48,3 %¹⁰⁶.

Очевидно, что анализ устойчивости практики православного крещения требует работы не с общими сведениями по стране или союзным республикам, а с данными по традиционно «православным» регионам, приведенными выше. Насколько объективны они? Если неполнота сведений по религиозным таинствам во время хрущевской антирелигиозной кампании, а также в течение одного или двух лет после была очевидна и признавалась самими советскими функционерами, то как относиться к статистическим сведениям по отдельным областям за другие периоды? Факты говорят о том, что и тут количественные показатели, как правило, были занижены, хотя и не так сильно, как в позднехрущевский период. Это занижение определялось по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, практика тайных (то есть нерегистрируемых) крещений на дому существовала во все периоды советской истории, в начале шестидесятых она просто приобрела особенно большие масштабы [Шлихта, 2012, с. 385]. Например, в относительно благоприятном для верующих 1957 г. курский уполномоченный Совета по делам РПЦ писал, что «количественные данные о совершенных обрядах преуменьшены, во-первых, потому, что духовенство таким образом скрывает часть своих доходов от обложения налогом, и, во-вторых, – скрывает в тайне совершенные обряды»¹⁰⁷. Локальные обследования, которые инициировались в отдельных районах, как правило, выявляли несоответствие статистики реальному положению дел. Например, скрупулезно изучив ситуацию в Роменском, Краснопольском и Шосткинском районах Сумской области УССР в 1967 г., исследователи выяснили, что здесь были крещены практически все новорожденные, включая детей коммунистов¹⁰⁸.

Во-вторых, подавая сведения в центральные инстанции, ответственные за их сбор лица часто высчитывали долю крещеных, деля количество новорожденных на количество крещений детей до одного года. При этом окрещенные дети старше года и тем более взрослые в эту статистику не попадали. Вот характерный пример: в 1965 г. в Вологодской области было окрещено всего 1 109 младенцев, что дало 5,8 % к числу всех родившихся. Соответствующие данные (чуть ли не самые низкие в стране) фигурируют в отчетном документе. Однако ниже приводятся сведения о том, что в регионе было окрещено еще 1 884 ребенка от одного до трех лет, 279 детей – от трех до семи лет, 54 – от семи до 16 лет и 54 – старше 16 лет¹⁰⁹. Таким образом, официально окрещенных всего оказалось 2 880. Если бы все они были учтены при определении доли окрещенных, то она оказалась бы в 2,6 раза больше. Такая ситуация была характерна и для других регионов. Например, Н. Шлихта отмечает, что в 1960-е – начале 1970-х гг. крещения не младенцев составляли

¹⁰³ Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 102.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 101.

¹⁰⁵ Там же. Л. 102.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1305. Л. 94.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 145.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 107.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 34.

примерно половину от всех таинств такого рода, совершавшихся в центральных и восточных областях Украины [Шлихта, 2012, с. 395].

Если учесть оба обозначенных обстоятельства, можно предположить, что в регионах, которые официально показывали 60 и более процентов крещеных (как, например, Белгородская область или области Молдавии и Западной Украины), в реальности практиковалось почти всеобщее крещение. В регионах, показывавших от 30 до 40 % (таких в УССР, БССР и центральной части в РСФСР было большинство), окрещенные по факту составляли более половины населения. Этот тезис подтверждается и более поздними данными. Согласно результатам общесоюзного опроса, проведенного в 1990 г. в рамках исследовательского проекта «Советский человек», 66 % населения страны оказались крещеными¹¹⁰. Таким образом, потребность советских граждан – жителей традиционно православных регионов в символическом приобщении к христианству была стабильной на протяжении всего послевоенного периода в истории страны.

Можно ли было говорить о большей или меньшей приверженности к традиционному христианскому действию со стороны представителей разных социальных групп? По всей видимости, да. По крайней мере, об этом говорят результаты исследования, проведенного В.Д. Кобецким и членами кафедры истории и теории атеизма ЛГУ в Ленинградской области в 1965 г. [Кобецкий, 1969, с. 170–171]. Его результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение крещеных и некрещеных в зависимости от рода занятий их родителей (1965 г.)
The ratio of baptized and unbaptized, depending on the occupation of their parents (1965)

№	Род занятий родителей, обратившихся в церковь для крещения ребенка	Удельный вес крещеных в рамках данных социально-профессиональных групп (в %)
1	рабочие	77
2	колхозники	71
3	работники торговли, питания, коммунального обслуживания	54,9
4	пенсионеры, домохозяйки	43,2
5	военнослужащие	42,4
6	медицинские работники	41,9
7	инженерно-технические работники	41,9
8	работники госучреждений и культпросветработники	35,4
9	воспитатели, преподаватели	33,5

Учитывая распространенность в СССР практики секретного крещения, представленные в таблице результаты нужно воспринимать с некоторой долей скепсиса. Указанные цифры наверняка занижены. Кроме того, надо учитывать, что представители отдельных социальных категорий (работники государственных учреждений, сферы культуры, преподаватели) в силу своих общественных функций и предъявляемых к ним требований были особенно заинтересованы в том, чтобы скрывать свои религиозные практики. Поэтому результаты исследования 1965 г. имеет смысл интерпретировать скорее с точки зрения готовности граждан разного социального статуса афишировать свое участие в обряде крещения.

Что подталкивало граждан СССР проявлять идеологическую «незрелость» и крестить своих детей? Несомненно, для обстоятельного исследования их мотивов требуется изучение большого пласта источников – архивных, опубликованных, а также из разряда oral history (последние, пожалуй, особенно интересны). Здесь же мы ограничимся анализом данных советских социологов религии, заранее признавая возможность их корректи-

¹¹⁰ Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тезисы. М., 1993. С. 134.

ровки и дополнения. В 1965 г. группа уже упоминавшегося В.Д. Кобецкого провела неформальные собеседования с родителями окрещенных в Ленинграде и Ленинградской области младенцев (73 случая). В ходе этих бесед выяснилось, что в 4 случаях (5,5 %) обряд был совершен в силу личной религиозности родителей, в 62 случаях (85 %) – по настоянию верующих членов семьи (в основном, бабушек). Еще в 7 случаях (9,5 %) мотивы оказались нерелигиозными [Кобецкий, 1969, с. 162–163].

Комментируя приведенные данные, инициатор исследования обращает внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев обряд крещения оказывается возможен в силу религиозности граждан, влияющей на их решение прямо (если верующие родители), либо косвенно (если верующие – старшие родственники). При этом он подчеркивает особую роль «верующих бабушек, стремящихся окрестить своих внуков», для которых этот акт выступил средством укрепления связи с церковью [Кобецкий, 1969, с. 166].

Более развернутая картина мотивов (причин) крещения детей была представлена в начале 1970-х гг. группой исследователей, проводивших опросы в Алатырском районе Чувашской АССР [Серебряков, 1972, с. 9]. В обобщенно-систематизированном виде она представлена в табл. 2.

Таблица 2

Мотивы крещения детей гражданами в 1968–1970 гг.
 Motives for the Baptism of Children by Citizens in 1968–1970

№	Мотивы (причины) крещения детей	Возраст родителей, окрестивших детей	
		до 30 лет	старше 30 лет
1	Пожелания (советы) старших родственников	49,3	32,2
2	По традиции	29,5	35,2
3	Отказ старших родственников ухаживать за некрещеным ребенком	7,5	9,5
4	Собственные религиозные убеждения	1,4	12,1
5	На всякий случай	7,8	6,4
6	Торжественность и красочность обряда	1,4	0,7
7	Боязнь осуждения со стороны соседей	1,4	1,1
8	Другие побуждения	1,7	2,8

Как и ленинградцы, родители из Алатырского района в вопросе крещения детей продемонстрировали сильную зависимость от старших родственников (прежде всего собственных родителей), которые порой даже отказывались ухаживать за некрещеными. При этом видно, что в большей степени эта зависимость проявлялась у молодых родителей. Другим серьезным мотивом стало соответствие акта крещения традиции, причем особую значимость он приобрел для родителей старше 30 лет. Собственные религиозные убеждения родителей оказались в целом гораздо менее весомым аргументом при крещении.

Такого рода исследования в 1960-е – 1970-е гг. проводились во многих регионах страны. Естественно, далеко не всегда их результаты публиковались, часто они находили отражение в служебных документах Совета по делам религий. Вот, например, к чему пришли исследователи в Воронеже, в 1967 г. опросившие родителей из 113 семей: согласно их выводам, 47,5 % родителей приняли решение крестить детей под влиянием религиозных старших родственников, 37 % – в силу традиции, 5 % – в силу уверенности, что крещенному ребенку жить легче, чем некрещенному («чтобы ребенок лучше спал, чтобы не болел») и 10,5 % – из-за желания устроить в семье праздник¹¹¹.

Насколько можно полагаться на результаты такого рода исследований? Несомненно, будучи проводимы сотрудниками кафедр истории и теории атеизма, они не могли быть

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 109.

вполне независимыми с идейной точки зрения. Да и молодым родителям – советским людям, привыкшим к самоцензуре – проще было переложить ответственность за крещение на старших или связать ее с устоявшимся порядком. Вероятно, в действительности религиозность родителей должна была играть несколько большую роль, чем это показано. В остальном же данные советских исследователей выглядят довольно правдоподобными: сохранение религиозного уклада всегда было уделом прежде всего старшего поколения, а сам акт крещения осмысливался (и продолжает осмысливаться) не только как религиозное действие, но и как культурный акт, важная для поддержания идентичности традиция.

Какими могли быть нерелигиозные и не связанные с уважением к традиции мотивы крещения детей, периодически скрывавшиеся формулировкой «другие побуждения»? Вероятно, кто-то мог выразить таким образом протест против советской идеологии, кто-то видел в этом освоение нового культурного пространства. Последний мотив стал проявляться в позднесоветский период в среде молодежи, выросшей в безрелигиозных семьях. Так, исследовавший конфессиональную жизнь г. Днепропетровска С. Жук отмечает, что интерес местной молодежи (особенно увлеченной роком) к таинству крещения, как и христианству в целом, в 1970-е гг. оказался простимулирован появлением оперы «Иисус Христос Суперзвезда», вышедшей в 1972 г. и, несмотря на препоны со стороны власти, быстро завоевавшей огромную популярность [Жук, 2012, с. 369–370]. Пример выглядит экзотично, но не так уж удивительно, учитывая, что СССР часто оказывался страной, где практически совмещалось теоретически несовместимое.

Заключение

Рассмотренные выше факты свидетельствуют, что на протяжении послевоенных десятилетий обряд православного крещения оставался нормой для большей части граждан в традиционно-православных регионах СССР, а усилия, направленные на превращение его в социальную аномалию не только в теории, но и на практике, оказывались безуспешными. Советская статистика стремилась показать неуклонное снижение количества совершаемых в стране крещений, что стало особенно заметно в годы хрущевской антирелигиозной кампании, однако недостоверность статистических данных признавалась даже теми, кто их формировал. Эту недостоверность определяли, с одной стороны, попытки приуменьшить декларируемую долю крещенных граждан за счет учета крещений исключительно новорожденных, а с другой стороны – большое количество тайных (домашних) обрядов, не регистрировавшихся официально. Результаты периодически проводившихся на местах локальных обследований, как правило, шли вразрез со статистикой на макроуровне, выявляя массовое стремление к символическому приобщению к христианству.

К практике православного крещения оставались приобщены представители всех основных социальных категорий советских граждан, при этом наиболее открыто участвовали в ней рабочие, колхозники, работники торговли, домохозяйки, пенсионеры – то есть те, над кем идеологический пресс довлел в меньшей степени. Согласно данным советских исследователей, чаще всего крещения детей совершались по настоянию старших членов семей (особенно бабушек), а также в силу уважения родителей к многовековой традиции. Религиозность молодых родителей в иерархии открыто признававшихся мотивов крещения располагалась на третьем месте. При этом религиозность как таковая в принципе оставалась основой совершения обряда, поскольку настойчивость «бабушек» обычно определяла именно она.

Список литературы

Апанасенок А.В., Бубнов А.Ю. 2021. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х – 1950-х гг. Вопросы истории. 12 (3): 204–214.

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027 – Уполномоченный совета по делам Русской православной церкви по Курской области.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.
- Жук С. 2012. Религиозные практики, повседневная религиозность и западная массовая культура в закрытом городе Днепропетровске в послесталинское время (1960–1984). Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 3–4 (30): 349–379.
- Каиль М.В. 2021. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов. Новый исторический вестник. 3 (69): 74–86.
- Климова С.М., Молостова Е.С. 2013. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60-е – 80-е гг. XX века). Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 8 (151): 86–96.
- Кобецкий В.Д. 1969. Обряд крещения как проявление религиозности. Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М., МГУ: 161–173.
- Кобецкий В.Д. 1973. Исследование динамики религиозности населения в СССР. Атеизм. Религия. Современность. Вып. 1. Ленинград, Наука: 116–130.
- Лебина Н.Б. 2015. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., Новое литературное обозрение. 483 с.
- Одинцов М.И. 2002. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., ЦИНО. 310 с.
- Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тезисы. 1993. М., б. и. 272 с.
- Попова К.Ю. 2015. Религиозная обрядность православного населения Южного Урала в 1960 – 1980-е гг. Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2 (4): 380–388.
- Поспеловский Д.В. 1995. Русская Православная церковь в XX веке. М., Республика. 511 с.
- Серебряков Ю.Г. 1972. Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды. Чебоксары, ЧКИ. 39 с.
- Сухов А.Д. 1973. Религия как общественный феномен. М., Мысль. 144 с.
- Худяков С.Н. 1951. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев. 32 с.
- Шкаровский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. М., Вече. 478 с.
- Шлихта Н.В. 2012. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е – 1960-е гг.). Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 3–4 (30): 380–407.
- Naumescu V. 2008. Modes of Religiosity in Eastern Christianity: Religious Processes and Social Change in Ukraine. Berlin: Lit Verlag. 255 p.
- Peris D. 1998. Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press. 237 p.
- Stone A. 2008. «Overcoming Peasant Backwardness»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. Russian Review. 2: 296–320.

References

- Apanasenok A.V., Bubnov A.Yu. 2021. Pravoslavnye praktiki v strukture povsednevnoj zhizni grazhdan SSSR 1940-h – 1950-h gg. [Orthodox Practices in the structure of everyday life of the USSR citizens in 1940s – 1950s]. Voprosy istorii. 12 (3): 204–214 (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991 – Sovet po delam religij pri Sovete Ministrov SSSR [Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR] (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO) [State Archive of the Kursk Region] F. 5027 – Upolnomochennyj Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete Ministrov SSSR [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR] (in Russian).
- Zhuk S. 2012. Religioznye praktiki, povsednevnyaya religioznost' i zapadnaya massovaya kul'tura v zakrytom gorode Dnepropetrovske v poslestalinskoe vremya (1960–1984) [Religious practices, everyday religiosity and Western mass culture in the closed city of Dnepropetrovsk in the post-Stalin

- period (1960–1984)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4 (30): 349–379 (in Russian).
- Kail' M.V. 2021. *Pravoslavie v Rossii 1914–1964 godov: opyt izucheniya i obshchestvennaya pamyat' v diskurse repressij i poiske al'ternativnyh poznavatel'nyh podhodov* [Orthodoxy in Russia 1914–1964: the Experience of Studying and Public Memory in the Discourse of Repression and the Search for Alternative Cognitive approaches]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 3 (69): 74–86 (in Russian).
- Klimova S.M., Molostova E.S. 2013. *Nauchnyj ateizm v poiskah metodologii izucheniya religioznosti sovetskogo cheloveka (60-e – 80-e gg. XX veka)* [Scientific Atheism in search of a Methodology for studying the Religiosity of the Soviet Man (60s – 80s of the XX century)] *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 8 (151): 86–96 (in Russian).
- Kobeckij V.D. 1969. *Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti* [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. *Konkretno-sociologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya*. M., MGU: 161–173 (in Russian).
- Kobeckij V.D. 1973. *Issledovanie dinamiki religioznosti naseleniya v SSSR* [Study of the dynamics of religiosity of the population in the USSR]. *Ateizm. Religiya. Sovremennost'*. Vyp. 1. Leningrad, Nauka: 116–130 (in Russian).
- Lebina N.B. 2015/ *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu* [Soviet everyday life: Norms and anomalies. From War Communism to the Grand Style]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie*. 483 p. (in Russian).
- Odincov M.I. 2002. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. M., CINO. 310 p. (in Russian).
- Partii, dvizheniya, soyuzy Rossii s religioznymi prioritetami. Dokumenty i tezisy. 1993* [Parties, movements, unions of Russia with religious priorities. Documents and abstracts]. M., b. i. 272 p. (in Russian).
- Popova K.Y. 2015. *Religioznaya obryadnost' pravoslavnogo naseleniya YUzhnogo Urala v 1960 – 1980-e gg.* [Religious rites of the Orthodox population of the Southern Urals in the 1960s – 1980s]. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii*. 2(4): 380–388 (in Russian).
- Pospelovskij D.V. 1995. *Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M., Respublika. 511 p. (in Russian).
- Serebryakov Y.G. 1972. *Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoy propagandy* [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. *Cheboksary, CHKI*. 39 p. (in Russian).
- Suhov A.D. 1973. *Religiya kak obshchestvennyj fenomen* [Religion as a social phenomenon]. M., *Mysl'*. 144 p. (in Russian).
- Hudyakov S.N. 1951. *O preodolenii religioznyh predrassudkov* [About overcoming religious prejudices]. Kishinev. 32 p. (in Russian).
- Shkarovskij M.V., 2010. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M., *Veche*. 478 p. (in Russian).
- Shlihta N.V. 2012. «*От традиции к современности*»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах СССР, 1950-е – 1960-е гг.) [«From Tradition to Modernity»: Orthodox Rites and celebrations in the conditions of anti-religious struggle (based on the materials of the Ukrainian SSR, 1950s – 1960s)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 3–4 (30): 380–407 (in Russian).
- Naumescu V. 2008. *Modes of Religiosity in Eastern Christianity: Religious Processes and Social Change in Ukraine*. Berlin: Lit Verlag. 255 p.
- Peris D. 1998. *Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Cornell University Press. 237 p.
- Stone A. 2008. «*Overcoming Peasant Backwardness*»: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*. 2: 296–320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.05.2022
Поступила после рецензирования 20.05.2022
Принята к публикации 20.05.2022

Received 07.05.2022
Revised 20.05.2022
Accepted 20.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Россия

 [ORCID: 0000-0003-4650-3730](https://orcid.org/0000-0003-4650-3730)

Пудякова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Россия

 [ORCID: 0000-0002-8794-8958](https://orcid.org/0000-0002-8794-8958)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Docent, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation

Irina S. Pudyakova, Candidate of Geographical Sciences, Associated Professor of Humanities department, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation